

В.Г. Кузьминов
(Нижний Новгород, Россия)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ ВИРТУАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

«Литературная газета» недавно поведала о том, что второй (государственный) канал французского телевидения запустил новый проект – двухсерийное шоу «Как далеко зайдет телевидение?». Это игра, по ходу которой отобранный жребием доброволец в скрытой камере должен отвечать на вопросы других добровольцев. За неправильный ответ вопрошающий карает жертву, с помощью рубильника направляя ей электрический разряд от 20 (за первый неправильный ответ) до 460 вольт (за последний 27-й). Канал предупредил участников, что проект пилотный, поэтому финалисты, включая жертву, призовой суммы в миллион евро не получают, хотя какое-то вознаграждение им полагалось.

Разумеется, ни зрители, ни участники не знали, что роль жертвы играет опытный актер, великолепно имитирующий вопли, крики и хрипы страдальца. Из 80 участников с дистанции сошло только 16, а победителем, который после минутной заминки все же дожал рычаг до отметки 460 вольт, стал социальный работник, оказывающий помощь старикам и инвалидам. Он объяснил, что его подгоняли приказы ведущей и крики «Давай жми!» в студии. Позиция же автора проекта – социального психолога Ж.-Л. Бовуа в том, чтобы показать, что участники проекта «вполне нормальные люди. Нормальные в том смысле, что подтверждают давно известную максиму: человек человеку волк» [1, 9].

Говоря о шоке, который испытала Франция в результате этого шоу, А. Ваксберг – автор статьи в «Литературке» не сообщает, что сама смоделированная ситуация не является новой. Ее условия в точности повторяют те, которые задавались социальным психологом С. Милгрэмом в его экспериментах 60-х годов прошлого века, посвященных изучению проблемы послушания и доверия к авторитету [2,92-93], [3,103-104]. Действительная же новизна ТВ-действия заключается в солидной репрезентативной выборке участников (представители разных

этносов, разных социальных и профессиональных групп с различным уровнем образования) и в масштабах вовлеченной аудитории. И эти обстоятельства позволяют в данном случае вести речь не об изучении либо констатации объективного состояния мотивационных механизмов или срабатывании или несрабатывании нормативно-запретительных барьеров, но о субъективном манипулятивно-провокационном разрушении этих барьеров с использованием всей мощи электронного воздействия. В случае массированного применения подобного рода технологий (а мы приближаемся к этому) обществу придется столкнуться с целым букетом следствий, среди которых синдром множественной личности, социокультурная амнезия, квази-демиургическое сознание и др. будут не самыми печальными. Социальное клонирование «телепузиков» не может не привести к изменению онтологических основ общества, в котором мы живем.

Развитие и глобальное распространение телекоммуникационных цепей и электронно-цифровых технологий при всех положительных моментах связано с целым рядом отрицательных и пока еще плохо осознаваемых следствий как, например, программирование человеческого поведения, манипуляция сознанием, всеобщий контроль за стандартизированной массой биороботов, антропомассой со стороны замкнутой касты «жрецов», хранителей информации.

Внедрение электроники во все сферы делает жизнь людей все более прозрачной для власти, правящих элит (для которых предусматриваются особые защитные капсулы); человек, имеющий номер социального и медицинского страхования, счет в банке, кредитную карточку, компьютер, мобильный телефон, уже не может скрыть, чем болеет, сколько тратит, с кем общается, какие потребности и интересы имеет. В дальнейшем планируется сведение всех видов документов, которыми пользуется человек, в один микрочип-документ, дополненный базой биометрических данных, с последующим его имплантированием в тело с тем, чтобы сделать невозможным его потерю или кражу.

И это вовсе не отдаленное будущее. Сейчас, например, всерьез обсуждается форсайт- проект «Детство-2030», где

одним из пунктов «дорожной карты» значится устройство для загрузки информации на кору головного мозга, в результате чего дети смогут получать образование через Интернет, а школы и вузы могут оказаться ненужными уже к 2025 году. Примечательно, что фонд, разрабатывающий этот проект, создан администрацией президента РФ, а сам проект стартовал по инициативе Общественной палаты РФ [4,21].

Однако и носители власти, по крайней мере на срединных уровнях, не останутся в стороне от процесса глобальной паноптикумизации. Вопрос в том, кто будет входить в «кокус» электронного слежения, какими мотивами они будут руководствоваться и какие цели преследовать.

Тем самым информационный шантаж для государств и обществ может оказаться ничуть не менее опасным, чем ядерный или ресурсный. Не исключено образование новых глобальных клановых групп, между которыми будет идти нешуточная борьба за доступ и контроль за базами данных. Можно предположить, что ими будут наднациональный финансовый суперклан, группы экспертов-программистов и корпорация хакеров. И неизвестно, какие энергии высвободятся в результате взлома защитных панцирей, скорлуп и мембран, отделяющих индивидуализированного человека-монаду от других. Сценарии могут быть самыми различными: от образования глобализированной толпы со стертыми механизмами личностного саморегулирования, что совсем не тождественно «глобальной деревне», вызывающей милые аллюзии по поводу традиционно-общинного социального регулирования, до антропо-океана с колоссальными демиургическими потенциями в духе предсказаний С. Лема.

Содержательные планы знаков будут съезживаться, отшлифованная бихевиоризмом коммерческая и политическая реклама окончательно деформирует поведение в направлении знаков-релисеров, знаков-сигналов, требующих однозначной реакции. Разведение рефлекторного и рефлексивного поведения станет одним из следствий социальной поляризации. Как когда-то СПИД вырвался за пределы тайных лабораторий ЦРУ, так и суггестивные речевые практики выходят из стен Стэнфорда и Тавистока, о чем недавно поведал весьма информированный в

этом отношении Д. Колеман [5, 93-106]. Сегодня уже неважно, кто был пионером НЛП, сетевого маркетинга и других технологий подобного рода – спецслужбы, крупные корпорации, политики, тоталитарные секты, важно то, что эти технологии многое предопределяют в функционировании социальных институтов, изменении моделей поведения, жизни общества в целом.

Развитие генной инженерии и переход к практике клонирования человеческих особей приведет к окончательному краху семьи как социального института, к появлению класса существ, противостоящих человеку абсолютно по всем параметрам.

Расширение «степеней свободы» на базе комплексного использования изощренных средств удовлетворения постоянно возрастающих утонченных потребностей человека может привести к становлению гармоничной личности, а может – к био-социальной и морально–психологической деградации ее; возникнет ситуация, когда симулякры-вещи управляют симулякрами-людьми, когда разнообразные культы прошлого будут вытеснены одним – культом гедонизма и нарциссизма.

Причем потребности эти необязательно будут удовлетворяться «физическими» способами. Уже сегодня очевидно, что виртуальная игра не столько способ творческого освоения мира и положительной социализации, как это было начиная с архаических обществ (детские игрушки – уменьшенная копия орудий труда), сколько способ канализации неудовлетворенных потребностей.

Децентрализованная, текучая, манипулятивная природа современного виртуального контроля провоцирует «консенсуальное» согласие на контроль со стороны его объектов, которые получают при этом удовольствие, граничащее с вуайеристско-мазохистским. Намечается тенденция перераспределения в пользу паразитарной части населения не только природных, финансовых, информационных ресурсов (уже ведутся эксперименты по переходу с кремниевых на молекулярные носители для их беспрепятственного имплантирования в органы человека), но и технологий продления человеческой жизни (нано-биотехнологий,

«натуральная» и искусственная трансплантология, клонирование и крионика, наконец). Смеем предположить, что, при условии сохранения этих тенденций, в ближайшем будущем можно будет говорить о формировании двух противоположных антропо-социальных типов, направляемых несопрягаемыми ценностно-моральными ориентирами.

В силу перепроизводства симулякров (Ж.Бодрийар), т.е. копий без оригинала, перенасыщенных функционально и оторванных от реальных потребностей вещей, тиражируемых СМИ образов, брендов и имиджей, гипостазированных понятий и т.д., возникающая на этой основе реальность является скорее дезинформационной, виртуальной, точнее – виртуальность вытесняет традиционную реальность из «мейнстрима» на обочину социальной жизни.

Один из радикальных апологетов виртуального общества Д. Иванов, описывая «глэм-капитализм», эту «сверхновую версию капитализма», не без эпатажа подчеркивает, что в результате виртуализации производство симулякров становится общей рутинной; на перенасыщенном имиджами рынках в конкуренции преуспевают те, кто создает вызывающе яркие комбинации из «пяти первоэлементов гламура – роскоши, экзотики, эротики, розового и блондинистого» [6, 14-15]. Реальность как метафора, раскрывающая суть общества прошлого, остается в прошлом, и именно виртуальность как поток образов, создаваемых брэндменеджерами, имиджмейкерами, тележурналистами, блогерами и т.д. занимает ее место.

Радикализм подобной позиции в том, что реальность третируется как «удел маргиналов, чурающихся симулякров и готовых терпеть боль или, как минимум, дискомфорт, доставляемый вещами или действиями. Не между реальностью и виртуальностью, а за ними находится их третье – текущая аутентичность» [7].

Причем это радикализм с подчеркнутой ценностной нейтральностью, оставляющий в тени не только фундаментальные вопросы сопряженности человека с миром, с другими, с самим собой, онтологическую и гносеологическую проблематику, проблему смысла, истинного и ложного знания и

др., но и конкретно-социологические вопросы господства и доминирования, которые незаметно подменяются вопросами технологии, равно как социально-психологические (антропосоциальные) следствия виртуальных коммуникаций и манипулирования.

Ведь, скажем, интериоризация, «овнутрение» виртуальности в результате «чипизации» церебральных процессов головного мозга превратит все известные до сих пор техники манипуляции, вплоть до «висящего на стене» гипотетического «Большого Брата», в милую архаику, что неизбежно приведет к трансформации самой природы как человека, так и социального взаимодействия. Не кажутся невероятными, далее, в силу пороговых скачков, явления массовой анэрекции из-за неумеренного потребления виртуальной «жвачки для мозгов» либо физиологические изменения противоположного рода. С печальными последствиями пластической хирургии и омоложения с помощью стволовых клеток в русле виртуального мейнстрима «красивого тела» столкнулись уже очень многие.

Если прибегнуть к геометрическому сравнению, вышеприведенная модель плоская, концентричная, и в центре ее находится веселый, слегка циничный современный меритократ, пребывающий в состоянии эйфории от «драйва» игры с голограммой, казалось бы, непривязанной к источнику, сохраняющей почти все признаки оригинала и способной к бесконечному самоклонированию. Однако что будет, когда отключат электричество?

Более объемной и, следовательно, более весомой представляется другая модель. З. Бауман разрабатывает метафору текучести, свойственной жидкостям и газам. Жидкости в отличие от твердых тел, не могут легко сохранять свою форму, они, так сказать, не фиксируют пространство и не связывают время. «Текучая современность», по Бауману, - это эпоха «плавки твердых тел» - институтов, паттернов и форм, и твердые тела, чья очередь быть брошенными в плавильный тигель настала, - это «связи, соединяющие индивидуальные действия в коллективные планы и действия-паттерны коммуникации и координации между индивидуальными

линиями поведения, с одной стороны, и политическими действиями коллективов людей – с другой» [8, 12].

Патриарх социологии, противопоставляя текущие (легкие) коммуникации современности «тяжелым» коммуникациям прошлого, отталкивается от проекта И. Бентама – Паноптикума,- который использовал М. Фуко в качестве метафоры современной власти. Обитатели Паноптикума были прикованы к своему месту и лишены возможности любого движения потому, что пребывали под наблюдением и не знали, где в настоящий момент находится их надзиратель.

Секрет власти тех, кто осуществлял господство, состоял в их власти над временем, но не во власти над пространством, так как они также были привязаны к месту в определенных границах, позиция фактического отсутствия хозяев исключалась. Сегодня же власть может перемещаться со скоростью электронного сигнала, она практически стала экстерриториальной. Более того, в постпаноптических отношениях власти необходимо, чтобы люди, использующие рычаги власти, от которых зависит судьба их менее подвижных протагонистов, могли в любой момент оказаться за пределами досягаемости - быть полностью недоступными.

Таким образом, смысл современной власти не в ее реальном или виртуальном присутствии, а напротив, в ее реальном или виртуальном отсутствии, что вызывает целую цепочку соответствующих технологий – бегство, сокращение (липоксация, как саркастически замечает Бауман), пропуск и уклонение, эффективное неприятие любых территориальных ограничений с их громоздкими процедурами упорядочения, поддержания порядка и ответственности за его последствия и пр. [9, 17-18].

От себя добавим, что рекламирующий шоколад Meller ролик, где капитан вместе с экипажем с гаерской ухмылкой пробирается к выходу, старательно пряча парашют от пассажиров, что сопровождается текстом: «Есть время – есть Meller», очень точно характеризует описанную Бауманом ситуацию не только на Западе, но и в России.

Нарисованная Бауманом картина дистопична. Ее слагаемые – распад традиционно- устойчивых социальных

связей и массовых групп социального действия, пока еще не до конца ясная трансформация предельных групп, обеспечивающих социальную идентичность, – семьи и этнической группы, драматические изменения самого социального тела, пространства и времени, в которых оно существует, смыслового стержня человеческого существования и общения, однако именно в этом гарантия непрерывности и развития текучести глобальных сил, степень могущества которых еще только предстоит осознать.

Библиографический список

1. Ваксберг А. Добросердечие надо внедрять силой? // Литературная газета. 2010. 24-30 марта.
2. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. /Пер. с фр. Под ред. Г.Г. Аракелова. – М.: Мир, 1992. Т.1.
3. Там же. Т.2.
4. Мурсалиева Г. Ты станешь киборгом, детка // Новая газета. 2010 16 апреля.
5. Колеман Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства /Пер. с англ. – М.: Витязь, 2006. – 319 с.
6. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с.
7. Беседа А. Нилогова с Д.В. Ивановым <http://www.apn.ru/publications/article_21195.htm. Дата обращения: 6.02.2010.
8. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
9. Там же.